

Публиковался в журналах «Октябрь», «Нева», «День и Ночь», альманахах и коллективных сборниках. Автор двух книг стихов: «Ржаворонок» (М.: «Вест-Консалтинг», 2009) и «Лепесток» (М.: «Текстура-пресс», 2011).

Участник литературных фестивалей «Киевские Лавры», «Поэзия на Байкале» (2010), «Петербургские Мосты» (2012).

Один из организаторов литобъединения «Рука Москвы». С 2009 — главный редактор сайта «ТЕРМИтник поэзии». С 2012 — главный редактор литературного журнала «Ното Legens».

По основной профессии — экономист. Живу в Москве.

СТРАЖНИК

Задрёмывай, вечный стражник,
У ног положи клинок.
Киношный такой, витражный
Гуашевый встал денёк.
 Под тихий напев утиный,
 Под мачтовый скрип в плече
 Смотри целый день картины
 Забытых почти ночей,
Где музыкой странной полон,
Без шапки и без ума
Молился отшельник в поле -
Во каждом глазу луна, -
 Где время столбом стояло
 На пыльном своём посту,
 Где песня до звёзд достала б,
 Да ветер в низовья дул,
И вышло, что брезжит утро,
А значит, стихает звук,
Как это пристало звукам,
Родившимся не внизу.
 Безмолвие мир качает,
 И запахи льнут к земле -
 Так пахнет коробка чая
 В неполные восемь лет.

ФОНТАНель

Настало время, и время встало.
Вот время встало, а жизнь идёт.
Я жду Джульетту, ты ждёшь Тристана,
И всё живое чего-то ждёт.
 Кругом обломки, кругом останки
 Мостов языческих подвесных.
 Во все концы ни одной вакханки,
 Какие танцы! Мы смотрим сны.
Кто любит мрамор? Ты любишь мрамор?
А нам сегодня милей гранит.
Увидишь Будду, откроешь краны -
Он белым пеплом во тьму летит.

Теперь сиянье в ночи разлито,
И тайный свиток плетут вьюны,
И новый танец святого Витта
Виллисы пляшут в лучах луны.

И коршун кроток, и страшен голубь,
И камень в слабой руке растёрт.
А кофе — это зелёный жёлудь,
Который в жёлтом песке растёт.

Но нет, не солнце, но нет, не кофе,
Нас змеи ждут в золотом песке.
Приходит врач, открывает кофр,
И утешенье в его руке.

Я, может, плохо стихи пакую:
Всё время что-то дорогой бью.
Давай присядем. Давай покурим.
Мне скоро снова лететь на юг.

ГДЕ-ТО СПРАВА

Слышишь, брателла, такое дело, кажется, новый срок.
Сколько, ты думаешь, весит тело, воткнутое в песок?
Дышишь-то тяжко, живёшь взятяжку, спишь, словно пищешь в чат,
И просыпаешься утром — каждым, кто не успел сбежать:

Безголовой мамашей из сообщества малыши,
Вьетконговской барышней, что всю дорогу молчит,
Перчаточной куклой, рассекающей негру бровь,
Огородной самбукой, чёрной, как серебро,
Книгой, заломанной на примечании к странице пять,
Прошлогодней соломой, на которой так сладко спать,
Мелочью сточенной, радостью простака,
Невидимой строчкой в грубых мужских стихах.

Выглянешь: кто там? Там добрый доктор, машет своим крестом.
Так привыкаешь, быстро ли долго, свой уступать престол
Гуннам, татарам, сирым и старым, беременным и с детьми.
Спорить не станешь, шуметь не станешь, легче встать и сойти

С разума, с воза, на свежий воздух, зря что ли там весна,
Зря что ли дятлы азбукой морзе влюблённых лишают сна.
Дышишь-то легче, плывёшь далече, спишь, словно йогурт ешь.
Пускает колечки и лечит, лечит — время больших надежд.

Забегался, остался без обеда,
 Приказы - как назойливый кошмар,
 А в голове названья: Сунабеда,
 Мумбай, Лакнау и Бабанишвар.

Вываливался вечером в Россию -
 Спиною вниз, и до алмазных брызг,
 И слышал, как о помощи просили
 Пантелеймон, Георгий и Борис.

Ложился спать худой и невесёлый,
 И были сны прозрачны и просты:
 Мне снились заколоченные сёла -
 Косые безымянные кресты.

КАРУСЕЛЬ

Если снова спускается пыль на пути,
 Если добрые люди мешают пройти,
 Если в центре столицы растёт Колизей,
 Значит время пришло заводить карусель!

Пальцем ткни в небеса - и начнётся потоп.
 Слабый голос возвысь - угодишь в шапито.
 Раздари что имел - не вернут ни рубля.

Так акулы влюбляются в винт корабля,
 Так, укрывшись от гвардии тенью плаща,
 Выйдя ночью в народ, - попадётся тотчас
 Добрым людям взалкавший любви базилевс.

Так почтовой бумагой становится лес.

Карусельщик нечасто стоит в стороне.
 Он за воздух ворованный платит втрое.
 Но куда в корзину летит голова,
 Его серые губы бормочут слова.

Дайте Лазарю смерть, дайте смерти лазурь,
 Дайте слабому слову — энергию бурь!
 Нужно чтоб, исцеляя калек по углам,
 Колокольчик звенел, как электропила.

Ярче лампы! Велите их ярче зажечь!
Нужно чтобы не слышали — видели речь!
Пусть упрямый поверит, блаженный — поймёт,
Как уходит почувявший Бога в полёт,
Как прочтя о себе, что давно влюблена,
В одночасье орбиту меняет Луна,
Как титанов доводят до слёз пустяки,
Как лишаются веры. Как пишут стихи.

Не услышат. Не вспомнят. И вряд ли придут.
Ибо слаще играют шарманки в саду,
Ибо добрый народ не жалеет шутих
И зверинец народу милее, чем стих.
Да стучат в колотушки свои сторожа.

Карусельщик устал. Его веки дрожат.
Его магия рушится в тину и в тлен.

Раз от раза страшнее гостить на земле.